

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

РОССІЯ XVI ВѢКА.

Глава I.

Страна и население.

I. Древняя и новая Россія.—II. Территорія.—III. Общественные классы. Аристократія.—IV. Политическій и общественный строй. Происхождение абсолютизма.—V. Крестьяне.—VI. Несвободное население.—VII. Городское население.—VIII. Церковь.

I.

Древняя и новая Россія.

„Налетѣлъ на меня многокрылый орелъ съ когтями льва и унесъ у меня три кедра ливанскихъ: мою красоту, богатство, моихъ дѣтей. Земля наша опустошена, городъ нашъ разрушенъ, рынки уничтожены. Наши братья увезены туда, гдѣ не бывали никогда ни наши отцы, ни дѣды, ни прародители“...

Такъ устами одного изъ своихъ лѣтописцевъ свободный, съ республиканскимъ устройствомъ городъ Псковъ, присоединенный въ 1510 году къ новой московской державѣ, оплакивалъ свою потерянную независимость, свои уничтоженныя привилегіи и своихъ сыновей, приговоренныхъ къ изгнанію. Отецъ Ивана Грознаго Василій Ивановичъ, побывавъ во Псковѣ, на обратномъ пути оттуда увезъ мощный колоколь, въ теченіе вѣковъ сзывавшій жителей на вѣче; сотни семействъ мѣстныхъ жителей переселилъ во внутреннія области своихъ владѣній, а на ихъ мѣсто переселилъ москвитянъ и провозгласилъ присоединеніе республики къ своему государству.

Это было повтореніе историческаго событія, имѣвшаго незадолго до того въ Западной Европѣ. Точно такъ же Карль Смѣлый ниспровергъ въ Льежѣ знаменитый реггон,

древнюю бронзовую колонну, у подножія которой въ теченіе минувшихъ вѣковъ народъ собирался для принятія законовъ и исполненія разныхъ другихъ актовъ государственной жизни.

А по сосѣдству съ Карломъ Смѣлымъ боролся Людовикъ XI съ Бургундіей, Бретанью, Гиенной, находившимися въ вассальной зависимости отъ него, стараясь присоединить и удержать за собой эти жемчужины Французской короны.

Это былъ рѣшительный моментъ, когда слагались крупныя государственныя образованія. Этотъ историческій процессъ сопровождался болѣзненнымъ кризисомъ. Но здѣсь, въ этомъ отдаленномъ сѣверо-востокѣ, задача „собрателей русской земли“, какъ ихъ называютъ, была особенно трудна. Дѣло заключалось не въ простомъ сліянніи областей, соединенныхъ уже и безъ того близкимъ сходствомъ, общностью традицій, очевиднымъ единствомъ интересовъ. Представьте себѣ, что Франція завоевана въ XV вѣкѣ Англичанами и какой-нибудь князь бургундскій пытается создать монархію, и даже не въ Дижонѣ, а гдѣ нибудь въ Германіи, Швейцаріи или Италіи, и это новое государство должно собрать обломки разорваннаго, разрозненнаго французскаго отечества. Таково приблизительно было положеніе, изъ котораго, благодаря трудамъ и непрерывнымъ усиліямъ „собрателей“, въ началѣ шестнадцатаго вѣка вышелъ новый міръ: Русь Ивановъ и Васильевъ.

Какова же была эта Русь? Конечно, это была не та Русь, по которой вы несетесь теперь въ спальномъ вагонѣ изъ Кіева въ Петербургъ или изъ Варшавы въ Иркутскъ.

Кіевской Руси въ это время уже не было. Петербургская же еще не сложилась. Изъ того, что въ десятомъ и одиннадцатомъ вѣкѣ составляло владѣнія Ярославовъ и Владиміровъ, государь Московскій XVI вѣка не сохранилъ за собой и пяди земли. Хотя Московскіе государи и называютъ себя великимъ княземъ или царемъ „всѣя Руси“, но право на этотъ титулъ у нихъ было такимъ же, какъ и право ихъ современниковъ англійскихъ королей, по которому они себѣ присваивали гербъ и корону Франціи къ своей отчизнѣ. Кіевская Русь въ то время составляла часть польскихъ владѣній, Могилевская область — литовскихъ, Червоная, Бѣлая и Малая Русь цѣликомъ принадлежали сосѣдямъ. Москва была не что иное, какъ колонія, основанная русскими въ чужой, финской землѣ.

Съ XI по XIII в. Кіевское княжество терзала братоубійственная борьба, происходившая между потомками Владиміра Мономаха. Въ XIII столѣтіи подверглось нашествію

татаръ. Въ слѣдующемъ XIV столѣтіи послѣ польско-литовскихъ завоеваній отъ кіевского княжества не осталось ничего. Въ это бурное время одинъ изъ наслѣдниковъ Мономаха—Юрій Долгорукій сталъ во главѣ русскихъ колонистовъ, искавшихъ новыхъ мѣстъ.

Онъ направился на сѣверо-востокъ чрезъ лѣсныя пространства, отдѣлявшія бассейны Днѣпра и Волги, и на своемъ пути покорялъ встрѣчавшіяся финскія племена. Въ этой покоренной странѣ въ 1147 году и была основана Москва. На первыхъ порахъ этотъ новый городъ былъ лишь походнымъ лагеремъ переселенцевъ.

Татарское нашествіе застало Москву еще совершенно неустроенной. Она должна была подчиниться чужимъ законамъ и правамъ. Болѣе двухъ вѣковъ послѣ пораженія русскихъ на Калкѣ (въ 1224 г.) страну давила тяжесть опустошительной азіатской стихіи.

Лишь въ концѣ XIV вѣка, когда обнаружилось постепенное разложеніе монгольскаго царства, московскіе князья почувствовали достаточно силъ для того, чтобы свергнуть съ себя тяжелое иго. Въ то же время они начали стремиться присоединить къ своимъ владѣніямъ другія сосѣднія колоніи и ближайшія, отпавшія отъ нихъ части древней Руси. Такъ создали они себѣ новую державу, а для Руси—новый центръ. Съ 1478 года находился подъ ихъ властью Новгородъ, а въ скоромъ времени также Тверь, Ростовъ, Ярославль. Иванъ III, справедливо прозванный Великимъ, присоединилъ новыя области, лежащія за предѣлами древней Руси, и раздвинулъ границы своего государства на сѣверъ до Финляндіи, Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, на востокъ до Урала. Его сынъ Василій прибавилъ къ этому на югѣ Рязань и Новгородъ Сѣверскій.

Составляло ли все это *одно государство* въ историческомъ смыслѣ этого слова? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно — единства между составными частями слагавшагося государства еще не было.

II.

Т е р р и т о р і я.

При своемъ вступленіи на престолъ въ 1533 году Иванъ IV наслѣдуетъ уже значительныя владѣнія, но даже въ географическомъ отношеніи они были лишены единства. Повсюду замѣчается боевое настроеніе населенія и выступаютъ безпорядки насильственнаго присоединенія земель.

Всѣ эти присоединенія представляются въ видѣ какой-то безпорядочной кучи военной добычи. Вокругъ новаго центра—Москвы группируются области, постепенно расширяющіяся. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ установленныхъ границъ и даже приблизительныхъ очертаній, такъ что при указаніи ихъ приходится пользоваться только топографическими данными.

На сѣверо-востокѣ находились земли нынѣшней Архангельской губерніи, Вологодской и Олонецкой; на сѣверо-западѣ — Новгородской и Псковской; на западѣ и юго-западѣ московскому государству принадлежала область Днѣпра съ современной Смоленской губерніей и западная часть теперешней Калужской губерніи, часть Черниговской губерніи и западные уѣзды Орловской и Курской губерній. На югѣ были степи совершенно безъ установленныхъ южныхъ границъ и съ сѣверной границей, проходившей по 55° сѣвернаго параллельнаго круга, т.-е. совпадала съ сѣверной границей теперешнихъ губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконецъ на востокѣ владѣнія московскаго государства составляли бассейнъ Камы съ ея притоками—Вяткой, Чусовой и Бѣлой.

Нужно отмѣтить довольно характерную особенность: Новгородъ и Псковъ со своими областями составляютъ важную часть.

Здѣсь сосредоточивается промышленность и торговля страны. Экономически новое государство живетъ этими областями и даже зависитъ отъ нихъ. Но промышленность была убога, болѣе оживленно шла торговля, но и она ограничивалась скромными размѣрами. Живя рыбной ловлей, население этой болотистой, съ обширными пустырями, страны мало занималось земледѣліемъ.

При такихъ условіяхъ торговля привлекала значительную часть населенія и служила для него главнымъ источникомъ существованія.

Товары направлялись отъ береговъ Балтійскаго моря внутрь страны; но тѣмъ же путемъ въ обратномъ направленіи шли мѣстные продукты. На пространствѣ 282.127 квадратныхъ верстъ во всей странѣ насчитывалось только 14 городовъ. Причемъ большая часть изъ нихъ представляли собой небольшіе укрѣпленные пункты-острожки. На обширной же территоріи въ 171.119 квадр. верствъ Бѣжецкой и Олонецкой пятны вовсе отсутствовала городская осѣдлость. Встрѣчались лишь поселки съ рынками, гдѣ производились торговля операціи.

Новгородъ съ своими 5300 жилыхъ домовъ до второй половины XVI вѣка занимаетъ первенствующее положеніе среди русскихъ городовъ, за исключеніемъ Москвы. Въ одномъ Псковѣ, и только въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, не считая пригородовъ, по даннымъ того времени насчитывалось 1300 лавокъ и конторъ. Но тѣ же документы отмѣчаютъ одно явленіе, рѣзко выступающее въ русской жизни XVI вѣка: городской торговый классъ населенія быстро уничтожается, его вытѣсняютъ и замѣняютъ военные элементы. Въ Гдовѣ, гдѣ торгово-промышленный элементъ болѣе сохранился, чѣмъ въ другихъ городахъ, списки 1580-1585 г. отмѣчаютъ только 14 душъ представителей этой категоріи населенія.

Исчезновеніе торгово-промышленнаго класса было слѣдствіемъ насильственнаго присоединенія областей московскими князьями. Имущество населенія покоренныхъ областей конфисковалось массами, конфискованныя предпріятія часто передавались въ другія руки. Это быстро измѣнило фizioномію страны до состава общественныхъ элементовъ и отношеній между ними включительно. Новые пришельцы были военными людьми, и въ своемъ завоевательномъ движеніи и во вѣдшемъ ростѣ Москва сохранила свой первоначальный характеръ—характеръ военной колоніи въ покоренной странѣ.

Иначе не могло и быть. Новое государство, какъ и всѣ области его, представляетъ какъ бы сплошное поле битвы. Границы его съ одной стороны недостаточно установлены, съ другой — являются предметомъ постоянныхъ споровъ. Изъ крѣпостей, защищающихъ его съ сѣверо-запада, Смоленскъ пріобрѣтенъ лишь въ 1514 году, но все еще оставался номинальнымъ центромъ литовско-польскаго воеводства. Что касается Великихъ Лукъ, то ихъ скоро отниметъ у Ивана Стефанъ Баторій. На сѣверо-востокѣ колонизація продолжаетъ распространяться вдоль береговъ Бѣлаго моря, по рѣкѣ Онегѣ и отъ сѣверной Двины до Урала. Но и здѣсь, въ такъ называемомъ Поморьѣ, владѣнія пришельцевъ ограничиваются морскими и рѣчными берегами. Съ экономической точки зрѣнія главная роль здѣсь принадлежитъ монастырямъ, являющимися не столько разсадниками благочестія, какъ центрами военной оккупации. Напримѣръ, Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ имѣлъ солянныя варницы и богатая рыбная ловля и содержалъ свою полицію и даже небольшое войско. Далѣе на востокъ отъ Двины заселеніе только начиналось. Населеніе разсѣяно по бѣднымъ рыбацкимъ поселкамъ. Единственнымъ центромъ съ полугодовой ярмаркой здѣсь была Лампожья на Мезени.

А по ту сторону Мезени тянулись уже совершенно пустынные мѣста.

Слѣдуетъ отмѣтить любопытную подробность.

Укрѣпленные пункты опоясывали государство, Москва же сохраняла свой прежній характеръ временной военной стоянки и не была достаточно прикрыта. Хотя Кремль былъ обнесенъ зубчатой стѣной съ башнями, но въ немъ находились только княжескіе дворцы, жилища нѣкоторыхъ бояръ, нѣсколько церквей и монастырей, жизнь же столицы шла внѣ этихъ стѣнъ. Городъ съ его деревянными домами, лавками, рынками, каменнымъ *истиннымъ дворомъ*, выстроеннымъ по образцу Левантскаго базара, раскинулся далеко во всѣ стороны отъ Кремля. Торговая дѣятельность шла въ обширныхъ пригородахъ, совершенно открытых или защищенныхъ простымъ деревяннымъ заборомъ. Дома и лавки посадовъ, широко разбросанныхъ вокругъ и сливавшихся съ окружающими полями, чередовались со вспаханными нивами и зелеными лугами.

Торговая жизнь продолжалась также и въ обширныхъ слободахъ, настоящихъ уже селахъ, окруженныхъ полями, садами, рощами. По сосѣдству видѣлись бѣлая стѣна ограда и золоченные купола монастырскихъ церквей. Этотъ пестрый полугородской, полудеревенскій видъ уходилъ далеко и терялся съ глазъ у черты горизонта. Эта была настоящая столица государства, которое только выступало на путь историческаго развитія.

Способъ обозначенія провинцій новаго государства, находившагося еще въ состояніи образованія, соответствовалъ ихъ переходному характеру.

Тогда говорили: „*заокскіе, закамскіе города*“, подразумевая подъ названіемъ *городъ* всю терриорію, прилегавшую къ извѣстному центральному пункту. Даже центральную область, ядро слагавшагося государства, называли „*замосковскими городами*“. Напримѣръ, Нижній-Новгородъ, недавно пріобрѣтенный московскими князьями отъ младшей линіи Мономаховичей, то имѣлъ значеніе центрального пункта, то относился вмѣстѣ съ Арзамасомъ и Муромомъ къ окраинѣ.

Между тѣмъ для зарождавшейся на сѣверо-востокъ новой Руси онъ былъ какъ бы вторымъ Кіевомъ. Здѣсь тѣ же удобства и красота положенія. Когда англичанинъ Дженкинсъ въ 1558 году отправлялся отсюда съ цѣлой флотиліей галеръ на Дальній Востокъ, казалось, старое время воскресло и кіевскіе князья собираются пуститься по Днѣпру и совершить свой „путь въ Греки“. Но всѣ окрестныя области до сосѣдняго бассейна Клязьмы были опустошены московскимъ завоеваніемъ.

Страну усѣяли развалины. Только Владиміръ сохранилъ кое-какіе остатки былого величія. Сельское населеніе все же было привязано къ землѣ и не покидало ее, но въ городахъ никого не оставалось, кромѣ военныхъ отрядовъ. Это общее явленіе въ новомъ московскомъ государствѣ. То же самое замѣчалось даже въ собственно московскихъ областяхъ и обнаруживалось уже въ какихъ-нибудь 100—150 верстахъ отъ Москвы. На указанномъ разстояніи къ сѣверу тянется широкій поясъ, гдѣ военныя занятія постоянно совмѣщаются съ мирными. Города Тверь, Ржевъ, Зубцовъ, Старица являются здѣсь стратегическими пунктами. Къ югу на верховьяхъ р. Москвы и на Окѣ расположены города Серпуховъ, Кашира, Коломна, защищавшіе переходъ чрезъ эти двѣ рѣки отъ угрожавшихъ постоянно набѣговъ степняковъ.

Далѣе же за этой чертой тянулось другое пустынное, незаселенное пространство, такъ называемое *дикое поле*, куда колонизаціонное движеніе направилось только лишь во второй половинѣ XVI вѣка.

Таково было владѣніе, къ которому въ царствованіе Ивана IV были присоединены вмѣстѣ съ Казанью, Астраханью и ихъ областями земли по нижнему, среднему теченію Волги, по Камѣ, Вяткѣ и по побережью Каспійскаго моря.

Къ этимъ пріобрѣтеніямъ послѣ была присоединена загадочная область Казатчины, расположенная между Волгой, Дономъ, сѣверной частью Донца, низовьями Днѣпра и представлявшая собой какъ бы обширный резервуаръ, куда стекались постоянно изъ Польши и Московскаго государства элементы, неполадившіе съ закономъ и порядками своего отечества.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ государствѣ одни и тѣ же политическіе и социальныя законы выбрасывали наружу элементы общественнаго распада, для которыхъ слишкомъ тѣсны были нормальныя рамки существованія благодаря тремъ вѣчнымъ силамъ, какъ создающимъ, такъ и разрушающимъ общественный порядокъ. Это — духъ мятежа духъ предприимчивости, духъ свободы.

Что касается общей численности населенія московскаго государства того времени, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы опредѣлить ее хотя приблизительно. Даже свѣдѣнія, касающіяся одной только столицы, настолько расходятся, что нѣтъ возможности сдѣлать точный выводъ изъ нихъ.

Въ 1520 году число домовъ въ ней исчислялось 41.500. Это даетъ возможность предположить, что населеніе равня-

лось по меньшей мѣрѣ 100.000 душъ. Шестидесять лѣтъ спустя послѣ этого посланный папой въ Москву легатъ Посевинъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ числомъ населенія 30.000. Правда, въ этотъ промежутокъ времени Москва подверглась нашествію татаръ, разрушившихъ ее до основанія. Но такой участи подверглось большинство городовъ этого государства, гдѣ военныя схватки все еще продолжали вспыхивать отъ времени до времени, неся съ собой разрушеніе и измѣняя физіономію края.

Съ этнографической точки зрѣнія девять десятыхъ страны имѣли только то русское населеніе, которое оставила здѣсь прокатившаяся волна недавняго колонизаціоннаго движенія. Не было необходимости въ то время „скрестъ“ русскаго, чтобы найти татарина и особенно финна. Основой населенія вездѣ являлось финское племя.

Завоеванія Грознаго и его преемниковъ произвели большія измѣненія въ составѣ государства. Слѣды этихъ измѣненій мы можемъ видѣть до сихъ поръ на картѣ Кеппена. Но документальныхъ данныхъ, по которымъ можно было бы опредѣлить роль различныхъ этнографическихъ элементовъ въ государственной жизни изучаемой нами эпохи, мы не имѣемъ. Эта роль обозначается немного яснѣе лишь въ интеллектуальной и моральной жизни страны, о чемъ рѣчь будетъ впереди; въ политическомъ же отношеніи она совершенно ничтожна. Московское господство сгладило всякіе слѣды племенныхъ треній путемъ удаленія и поглощенія чуждыхъ элементовъ.

Въ социальномъ отношеніи разнообразіе этнографическаго состава не проявляется по другимъ причинамъ. О московскомъ государствѣ XVI вѣка нельзя было сказать, что въ немъ два общества, или больше, живутъ въ союзѣ или во враждѣ, такъ какъ тогда вовсе еще не существовало обособленныхъ общественныхъ группъ.

III.

Общественные классы.—Аристократія.

Среди особенностей, рѣзко отличавшихъ русское государство отъ Западной Европы, извѣстная школа историческаго и политическаго направленія мысли отвѣчаетъ и подчеркиваетъ отсутствіе классовыхъ дѣленій. Другія черты различія заключались въ отсутствіи въ русскомъ государствѣ феодализма съ позднѣйшимъ его порожденіемъ—рыцарствомъ и его пережитками. Церковь здѣсь не имѣетъ

той свѣтской власти, какой она вооружена на Западѣ и пользуется ею для борьбы съ государствомъ.

Но всѣ эти черты сводятся къ одному, указанному уже, началу — отсутствію классовыхъ дѣленій въ русскомъ обществѣ.

Подобное явленіе дѣйствительно существуетъ, но оно слишкомъ сложно и въ своемъ проявленіи и въ причинахъ, обуславливающихъ его. Очевидно, что въ этой странѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, были сначала богатые и бѣдные, потомъ земледѣльцы и торговцы, городскіе и сельскіе жители,—все это различные социальные элементы. Правда, элементы эти не успѣли еще сложиться въ организованныя группы. Я постараюсь это пояснить.

Жизнь Ивана IV прошла въ борьбѣ съ боярами, представлявшими собой аристократію. Кромѣ бояръ, были и другія аристократическія группы. Рядомъ съ боярами стояли потомки древнихъ удѣльныхъ князей. Одни изъ нихъ происходили отъ Рюрика, перваго русскаго князя, другіе—отъ перваго князя литовскаго Гедимина. Занимая первенствующее положеніе въ областномъ управленіи, они добились господствующаго положенія.

Нѣкоторые изъ нихъ происходили отъ старшей вѣтви той династіи, изъ которой происходили и московскіе князья, но по младшей линіи. Держась кое-гдѣ на остаткахъ своихъ вотчинъ, они могли громко заявлять свои претензіи и не упускали случая сдѣлать это. Они пользовались нѣкоторыми правами и привилегіями, вытекавшими изъ ихъ прошлаго положенія независимыхъ государей. Свои права и привилегіи они ожесточенно защищали.

Однако прочтите Судебникъ 1497 года, изданный дѣдомъ Грознаго Иваномъ III. Въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда всѣхъ этихъ правъ и привилегій. Все населеніе, за исключеніемъ духовенства, раздѣляется на двѣ категоріи, гдѣ нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ социальнаго дѣленія и различія, созданнаго историческими условіями. Судебникъ знаетъ только „служилыхъ“ и „нелюдей“,— вотъ и все! Законодатель такимъ образомъ свелъ на „нѣтъ“ историческое прошлое, деспотически распоряжаясь покорной массой населенія, онъ и раздѣлилъ его на эти двѣ категоріи, соответствовавшія потребностямъ государственнаго строя.

Въ войскѣ не было ни князей, ни мужиковъ, ни торговцевъ, ни земледѣльцевъ: были солдаты, дядьки, офицера. Военноплѣнныхъ обозначаютъ только нумерами по порядку. Населеніе московскаго государства было какъ бы въ военномъ плѣну. Служилые—солдаты, помогающіе государю „соби-

рать русскую землю". *Неслужилые*—работники, несущие тяжелую повинность доставлять пропитаніе арміи во время похода. Мѣсто, званіе, занятіе каждаго были точно опредѣлены служебнымъ листомъ.

Всѣ въ рядъ: таковъ приказъ.

Никакихъ исключеній для аристократіи.

Въ первой категоріи служилыхъ находятся бояре, князья, старшіе придворные чины и важнѣйшія должностныя лица. Если они и различались между собой, то только по началу административной подчиненности.

И рядомъ съ ними стоятъ низшіе слуги военнаго и гражданскаго вѣдомства: кузнецы, пушкарни, столяры и простые воины. Кушны и земледѣльцы относятся къ другой категоріи и также безразлично смѣшиваются и подчиняются одному порядку, возлагающему на нихъ податное бремя. Служилые перваго ранга пользуются нѣкоторыми преимуществами: они занимаютъ важнѣйшія должности, владѣютъ землей; на судѣ ихъ свидѣтельству придается больше значенія. Въ случаѣ обиды виновный уплачиваетъ тройную пеню въ сравненіи съ той, какая полагалась, на примѣръ, за обиду дьяка. Но тотъ же самый принципъ расцѣпки штрафовъ за преступленія противъ чести распространяется и на всѣ ранги, приспособляясь къ степенямъ и служебному положенію.

Остается выяснитъ, какъ удалось провести въ жизнь эту искусственную группировку и деспотическую классификацію общественныхъ элементовъ. Очевидно, общественныя группы были слабо организованы, такъ какъ правительство безъ затрудненія разрывало естественную связь между ними и втискивало ихъ въ произвольно созданныя рамки. Отсутствие сплоченности у московской аристократіи при этомъ выступаетъ очень ясно. Въ московскомъ государствѣ, какъ и на Западѣ, ядро аристократіи составляли придворные элементы. Филологи до сихъ поръ не пришли къ соглашенію относительно происхожденія слова „бояринъ“. Одни производятъ его отъ *бой*, другіе—отъ *бол*, *болій*, *болшій*. Сначала слово *болринъ* обозначало названіе *дружинниковъ*, которыхъ можно сопоставитъ съ франкскими *антрукстіонами*, англо-саксонскими *тенами* или министеріалами феодальной Германіи. Но на Западѣ взаимоотношенія между государемъ и его вассалами приобрѣли устойчивый характеръ, благодаря феодальному строю землевладѣнія, различію общественно-политическихъ функций; тамъ все это закрѣпилось и освящалось закономъ, привычкой, обычаемъ.

Но въ московскомъ государствѣ тѣ же взаимоотношенія имѣли расплывчатый, неопредѣленный характеръ, въ зависимости отъ общей неустойчивости среды.

Самъ князь долгое время здѣсь былъ въ нѣкоторомъ родѣ кочевникомъ. Дружина же его могла или слѣдовать за нимъ, или оставить его. Князь могъ отослать отъ себя своихъ сподвижниковъ и они могли его оставить. Никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ не было. На примѣръ, въ 1149 году волынскій князь отправился походомъ противъ кіевского князя. Дружина ему измѣнила, оставила его и онъ потерпѣлъ поражение. Принужденія на вѣрную службу тогда не существовало. Когда русская земля раздробилась на множество княжествъ, бояре свободно переходили отъ одного князя къ другому, одни изъ-за личныхъ интересовъ, другіе—просто по капризу. При этомъ они не теряли никакихъ правъ, такъ какъ подобныя переходы не считались измѣной. Переходившіе сохраняли за собой земельныя владѣнія и часто отдавали ихъ подъ покровительство новаго князя.

Когда Москва выступила на историческую сцену, она не замедлила воспользоваться этимъ обычаемъ. Она видѣла въ немъ превосходное орудіе для своей политики объединенія, средство вызвать ослабленіе сосѣднихъ княжествъ и усилиться за ихъ счетъ. Ставши центромъ національнаго притяженія, не имѣя равныхъ себѣ соперниковъ среди сосѣднихъ княжествъ, она ничѣмъ не рисковала при такой политикѣ: всѣ стекались къ ней и никто не думалъ уходить отсюда куда-нибудь въ другое княжество. Мало-по-малу солнце Москвы притянуло къ себѣ и поглотило осколки мелкихъ свѣтилъ, которыя его окружали.

Такъ изъ того, что было выброшено другими, въ рукахъ Московскихъ князей образовался слишкомъ мягкій, податливый матеріалъ, изъ котораго можно было лѣпить, что угодно.

Окружавшіе теперь московскаго князя бояре не были больше его сотоварищами, раздѣлявшими съ нимъ вмѣстѣ опасности и побѣды, они были побѣжденными, какъ бы плѣнниками, оторванными отъ родной почвы.

Вся аристократія новой сѣверо-восточной Руси, не исключая и той части ея, которая попрежнему сидѣла на родовыхъ помѣстьяхъ, не имѣла въ себѣ достаточной прочности. Для образованія наследственной давности прошло слишкомъ мало времени, чтобы на нее могла опираться аристократія. Въ феодальныхъ государствахъ въ создавшихся отношеніяхъ между сувереномъ и сеньоромъ, сеньоромъ и сельскимъ населеніемъ была полная аналогія и

можно сказать, что вассалитетъ и серважъ взаимно другъ друга дополняли. Московская же аристократія была въ другихъ условіяхъ. Она терялась среди свободнаго населенія, которое въ лучшемъ случаѣ соглашалось работать на крупныхъ землевладѣльцевъ задѣльно, да и то вѣчно торговалось, вступало въ споры.

Какъ бы то ни было, Москва распоряжалась по-своему этимъ зыбкимъ матеріаломъ и даже придавала ему извѣстную устойчивость въ военной организаціи.

IV.

Политическій и общественный строй. — Происхожденіе абсолютизма.

Относительно происхожденія и характера московской государственной власти существуетъ нѣсколько различныхъ взглядовъ. Историческая школа, о которой я уже упоминалъ выше, считаетъ ее органическимъ явленіемъ, обусловливаемымъ характеромъ этой вѣтви славянской семьи, которую судьба перенесла съ родной почвы на далекую чужбину. По взгляду этой школы, только этотъ строй, въ которомъ проявлялся духъ русской народности, соответствовалъ особенностямъ націи въ области государственнаго устройства и обезпечивалъ жизнѣнность созданныхъ ею политическихъ учрежденій. Другія славянскія государства, организованныя на иныхъ началахъ, иногда были въ блестящемъ состояніи, но оно было кратковременнымъ, благодаря слабости центральной власти, которая не могла препятствовать быстрому росту и усилению аристократіи.

Но откуда же явилось у славянской колоніи сѣверо-востока расположеніе къ этому именно политическому строю и способность подчиняться ему?

Забѣлинъ объясняетъ развитіе самодержавія въ московскомъ государствѣ вліяніемъ Восточной церкви; въ ученіи ея принципъ неограниченной патріархальной власти получаетъ полное развитіе и освященіе. Нѣкоторые же другіе историки указываютъ на вліяніе финскаго элемента. Но приведенные взгляды историковъ нельзя считать болѣе или менѣе удачно разрѣшающими вопросъ. Всѣ они не выдерживаютъ критики.

Вліяніе церкви было такимъ сильнымъ и даже болѣе энергичнымъ въ кievскій періодъ древней Руси, и между тѣмъ не видимъ здѣсь того сильнаго единоличнаго самодержавія, какое развивается въ московскомъ государствѣ къ концу

XV вѣка. Въ византійскихъ хронографахъ, въ историческихъ данныхъ Прокопія, Императора Льва, Дитмара Мерзебургскаго мы встрѣчаемъ указаніе, что у славянъ существовали народныя собранія и обладали или полнотой власти, или хотя нѣкоторыми ея прерогативами. Русскіе славяне не представляли собой исключенія.

По видѣтельству Нестора, они даже совсѣмъ обходились безъ княжеской власти.

Позднѣе, въ одиннадцатомъ вѣкѣ, мы находимъ тѣ же самыя демократическія учрежденія въ Кіевѣ, Новгородѣ, Смоленскѣ и Полоцкѣ. Вѣча (отъча производное слово отъ глагола *вѣщати*) функционируютъ на всемъ пространствѣ русской земли, хотя компетенція ихъ и не вездѣ одинакова. Въ однихъ мѣстахъ имъ принадлежитъ вся верховная власть; въ другихъ они пользуются только правомъ избранія князя. Болѣе или менѣе широкое участіе ихъ въ политическихъ функціяхъ власти существовало вездѣ. Сохраненіе ихъ правъ обезпечивалось договорами — *рядами* съ князьями и грамотами послѣднихъ.

Самодержавіе въ своей первоначальной формѣ не было синонимомъ абсолютной власти. Московскій *самодержецъ* — это двойникъ византійскаго *autocrat'a*, но власть византійскаго самодержавнаго императора раздѣлялась между нимъ и духовенствомъ. Московское духовенство также долго считало *самодержавіе* символомъ независимости отъ иностранныхъ государствъ. Если не народныя, то по крайней мѣрѣ права церкви здѣсь оставались еще нетронутыми. Тѣмъ не менѣе названіе *самодержавный* могло повести къ опасному смѣшенію понятій, что и случилось сначала на сѣверо-востокѣ страны, гдѣ князья Суздальскіе и Рязанскіе силой установили династическое наслѣдованіе престола на основаніи первородства. Такимъ образомъ былъ нанесенъ ударъ народоправству (суверенитету народа), и нужно сказать, что еще до появленія татаръ на Руси принципъ народовластія сильно пострадалъ. Оно сохранилось только кое-гдѣ въ видѣ исключенія. Въ полной неприкосновенности оно осталось только въ Новгородѣ и Псковѣ почти до конца XV вѣка; въ другихъ же мѣстахъ оно было или совсѣмъ уничтожено, или подверглось существеннымъ ограниченіямъ еще въ началѣ XIII вѣка.

Монгольское владычество оказало на усиленіе московскаго самодержавія не болѣе вліянія, чѣмъ Византія. Правда, въ отношеніяхъ между правителемъ и подданными оно внесло существенныя измѣненія. Раньше положеніе князя зависело отъ народа, теперь оно обуславливалось капризомъ новаго владыки-хана. Теперь путешествіе на

берега нижней Волги съ богатыми подарками имѣло больше значенія, чѣмъ народное избраніе. Князь возвращался изъ путешествія съ ярлыкомъ, избавлявшимъ его отъ необходимости искать другой способъ достяженія власти. Флорентійская унія и паденіе Константинополя оказали вліяніе въ томъ же направленіи. До конца XIV вѣка церовъ знала только одного царя. Это былъ императоръ византійскій. Московское духовенство поминало его въ молитвахъ при богослуженіи „императоромъ русскимъ“ и „государемъ всего міра“. Послѣ указанныхъ событій нужно было перенести этотъ титулъ на кого-нибудь, и естественно московскіе князья получили его.

Все эти случайности играли, можно сказать, второстепенную роль и не имѣли рѣшительнаго вліянія на ходъ вещей. Что же касается вліянія на организацию русской государственной власти финскаго элемента, то отсутствіе его очевидно. Правда, бываютъ случаи, когда покоренные передаютъ побѣдителямъ свои порядки и нравы, но это возможно только лишь въ томъ случаѣ, когда побѣжденные стоятъ въ культурномъ отношеніи выше своихъ побѣдителей. Подобное предположеніе вполнѣ допустимо. Но нужно принять во вниманіе, что русскіе колонисты тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка, хотя и были варварами, все-таки стояли выше въ культурномъ отношеніи тѣхъ финскихъ племенъ, съ которыми имъ приходилось сталкиваться во вновь заселяемой странѣ. Не одной же вѣдь только численностью покоряли они ихъ.

Ключъ къ разрѣшенію загадки, на мой взглядъ, заключается во взаимодействіи двухъ, отмѣченныхъ уже, явленій: отсутствіи расчлененія въ русскомъ обществѣ и его военномъ переустройствѣ, какому оно подверглось, благодаря обстоятельствамъ, сопровождавшимъ его первоначальное образованіе и развитіе въ новомъ сѣверо-восточномъ государствѣ. Русская колонизациа долго продолжалась въ чужой странѣ; переселенцы были окружены врагами. Князь былъ начальникомъ войска и естественно пользовался своимъ выгоднымъ положеніемъ, чтобы уменьшить и безъ того незначительную связь между общественными элементами. Послѣдніе своей слабостью сами помогали усиленію его всемогущества.

Но подобныя явленія наблюдались и при образованіи другихъ государствъ. Особенностью процесса развитія русскаго государства было то, что оно одновременно переходило и къ формамъ высшей цивилизациа. Это исключительная черта въ развитіи русскаго общества. Долго находилось оно вдали отъ европейской жизни. Затѣмъ ему при-

шло быстро усваивать плоды культурныхъ завоеваній, даже такіе, которые находились въ полномъ противорѣчій съ его роднымъ отсталымъ политическимъ и социальнымъ строемъ. Все это совершалось внезапно, даже вопреки требованіямъ нормальнаго прогресса. Просвѣтительное движеніе, питавшееся чужими плодами, въ нѣкоторомъ родѣ способствовало само по себѣ развитію абсолютизма, давая единичной власти такіа средства, какихъ не сыскать въ варварскомъ обществѣ. Иванъ IV былъ человекъ просвѣщенный и поэтому онъ былъ опаснѣе Людовика XI. Иванъ будетъ воздействовать на души своихъ подданныхъ, чтобы засадить ихъ за желѣзную рѣшетку своей тюрьмы, гдѣ связанная Россія должна будетъ мучиться въ продолженіи цѣлаго вѣка.

Легко прослѣдить, какъ создавалась эта темница. Москва старалась привлечь къ себѣ какъ можно больше людей изъ сосѣднихъ княжествъ; когда же въ ней оказалось значительное число послушныхъ и исполнительныхъ слугъ изъ такихъ пришельцевъ, государи московскіе поспѣшили прекратить свободные переходы, которыми они прежде пользовались въ своихъ интересахъ. Съ другой стороны, сосѣди ихъ теперь имъ только помогли достигнуть намѣченной цѣли. Въ своихъ интересахъ они уже успѣли сдѣлать кое-какіа ограниченія въ этомъ родѣ. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи сдѣлало мнимо либеральное, республиканское правительство. За республиками вообще не мало числится подобныхъ ошибокъ; я не касаюсь современности. Въ 1368 году Новгородъ запретилъ гражданамъ уходить съ его территоріи подъ страхомъ лишенія правъ собственности на всякое имущество, какое можетъ тамъ остаться. Москвѣ ничего не оставалось сдѣлать, какъ только послѣдовать этому примѣру. Самый принципъ пока еще шадил. Но при Иванѣ III начали сажать въ тюрьму тѣхъ изъ его „слугъ“, кто казался недостаточно надежнымъ. Чтобы вернуть себѣ свободу, подвергающійся подозрѣнію могъ и не отказываться отъ своего права, правительство дѣлало видъ, что само его охраняетъ, и онъ только давалъ обязательство, что впредь не воспользуется имъ; иногда же отъ него требовалось поручительство.

Я останавливаюсь на этихъ деталяхъ, потому что дальнейшій ходъ исторіи націи можетъ показаться совершенно непонятнымъ. Иванъ IV широко пользовался разнаго рода прецедентами. Онъ даже установилъ для служилыхъ людей нѣчто вродѣ круговой поруки въ вѣрности ему.

Князья и бояре были прикрѣплены такимъ образомъ къ мѣсту и ограничены тѣсными рамками, но тѣмъ не менѣе

все еще сохраняли некоторую политическую и социальную автономію, основанную на знатности ихъ происхожденія и на владѣніи старинными вотчинами или хотя остатками вотчинъ и удѣльныхъ земель. Здѣсь они сохраняли еще некоторыя верховныя права и многія привилегіи. Московское правительство пользовалось средствомъ двухъ родовъ, чтобы уничтожить ихъ.

Во главѣ новой іерархіи не ставились потомки Рюрика и Гедимина, предпочтеніе отдавалось простымъ „сауламъ“ государя, помогавшимъ раньше собирать русскую землю. Незнатное происхожденіе, хотя бы отъ простаго коюшаго царскаго двора, не составляло препятствія къ занятію высокаго поста. Въ этой новой, только зарождавшейся служебной аристократіи отсутствовали кастовый, корпоративный духъ, что облегчало задачу правительства. Другое, болѣе дѣйствительное средство, къ которому прибѣгло правительство—это конфискація земельныхъ владѣній. Эта система здѣсь, среди разлагавшихся древнихъ княжествъ, примѣнялась слишкомъ широко и энергично и способствовала накопленію въ рукахъ правительства огромной массы земель. Московское правительство начало раздавать эти земли, но съ такимъ расчетомъ, чтобы новое *служилое* землевладѣніе не имѣло ничего общаго по своему характеру съ древнимъ. Это были и не удѣлы, и не вотчины, а простыя помѣстья, какъ показываетъ само названіе земли, дававшіеся въ видѣ вознагражденія за службу соотвѣтственно занимаемому мѣсту. Помѣстья были въ пожизненномъ владѣніи и по наслѣдству передавались только лишь въ томъ случаѣ, когда наслѣдникъ-помѣщикъ принималъ на себя всѣ служебныя обязанности своего предшественника. Помѣстья, какъ и вотчины, были свободны отъ налоговъ, но зато на нихъ лежала наиболѣе тяжелая повинность, именно—государственная служба. Это нѣчто аналогичное съ феодальными державіями Западной Европы, но съ существеннымъ отличіемъ отъ него. Тогда какъ на Западѣ ленъ давался за добровольную службу, въ московскомъ государствѣ помѣстье давалось за службу и безъ того обязательную. Въ итогѣ здѣсь не создано корпоративной аристократіи. Платить жалованье натурой было выгодно для правительства и въ томъ отношеніи, что постепенно сглаживалась разница между древнимъ удѣльнымъ или вотчиннымъ владѣніемъ и новымъ его типомъ—помѣстнымъ. При такомъ порядкѣ вещей вотчинникъ и помѣщикъ сливались въ одну массу.

При временномъ, измѣнчивомъ характерѣ помѣстнаго землевладѣнія размѣры его были довольно ограничены.

Иногда величина помѣстья не превышала тридцати десятинъ. Кромѣ того, часто надѣленіе даже такими скромными помѣстьями отсрочивалось, затягивалось или же было чисто фиктивнымъ. Въ 1570 году 168 душъ „*дѣтей боярскихъ*“ (такъ назывались лица, которыя не унаслѣдовали отъ своихъ знатныхъ предковъ почетнаго титула, связаннаго съ опредѣленнымъ служебнымъ мѣстомъ) были записаны на службу въ Путивль и Рыльскъ. 99 изъ нихъ, за неимѣніемъ свободныхъ помѣстій, не получили ничего. Въ то же время и по той же причинѣ одному изъ такихъ „*бумажныхъ помѣщиковъ*“ не хватило 74 десятинъ изъ пожалованныхъ ему 80 и такимъ образомъ онъ получилъ всего лишь 6.

Благодаря этому, служилые люди по образу жизни, по домашней обстановкѣ, одеждѣ, пицѣ очень мало отличались отъ простыхъ крестьянъ; иногда матеріальныя средства ихъ были хуже, чѣмъ послѣднихъ. Что касается высшей знати, то она занимаетъ важнѣйшія должности и получаетъ соотвѣтственное жалованье, живетъ она въ деревянныхъ, выстроенныхъ по одному образцу, домахъ. Многочисленныя пристройки, крылечки, теремки, затѣйливыя крыши, службы придавали имъ внушительный видъ. Внутри же эти покои раздѣлялись на нѣсколько избъ, съ деревянными полами, которые ежедневно выскабливаются и выметаются. Снаружи при входѣ лежала куча сѣна для вытиранія ногъ. Въ горницѣ на видномъ мѣстѣ стояла посуда, чаще оловянная, чѣмъ серебряная. Ничто не говорило о блестящей роскоши.

Разница между боярами и простолюдными заключалась въ томъ, что первые считали нужнымъ окружать себя большимъ числомъ слугъ: поваровъ, пекарей, садовниковъ, портныхъ и разнаго рода другихъ работниковъ. Тутъ же встрѣчаются и дворовые люди, положеніе которыхъ какъ-будто выше положенія другихъ слугъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно не завидно. Обязанности ихъ заключались въ томъ, что они должны были постоянно сопровождать своего хозяина пѣшкомъ или на лошади, находиться при немъ въ дорогѣ и дома во время дѣловыхъ занятій и забавъ. Я чуть было не позабылъ о приказчикѣ, самомъ необходимымъ для помѣщика изъ всѣхъ его слугъ. Хотя бы имѣніе помѣщика состояло всего только изъ нѣсколькихъ десятинъ, онъ не можетъ обойтись безъ alter ego, тѣмъ болѣе, что для него нѣтъ возможности самому заниматься обработкой земли, которая доставляетъ ему средства къ жизни. Даже если бы онъ и захотѣлъ своими руками обрабатывать землю, это было невозможно для него, такъ какъ съ ранняго дѣтства и до глубокой старости все время его было занято во-

енной или гражданской службой своему государю. Служивый человекъ долженъ былъ быть мастеромъ на всѣ руки. Вотъ его призываютъ на войну. Онъ беретъ съ собой мѣшочекъ пшена, нѣсколько фунтовъ соленой свинины, немного соли, смѣшанной съ перцемъ, если только его средства позволяютъ ему приобрести эту, вообще высокоцѣнную и относящуюся уже къ предмету роскоши, приправу. Вмѣстѣ съ провизіей онъ беретъ съ собой топорикъ, груты, мѣдный котелокъ — и онъ вполне снаряженъ. Въ походѣ онъ обойдется безъ своего приказчика. По возвращеніи на родину, онъ найдетъ, быть можетъ, свое имѣніе опустошеннымъ или, по крайней мѣрѣ, обворованнымъ его же приказчикомъ, и будетъ подбирать апельсиновыя корки и объѣдки тыквы, выброшенные на дорогу изъ кареты какимъ-нибудь проезжимъ иностранцемъ, какъ описываетъ Герберштейнъ, но онъ не выйдетъ изъ своего дома, хотя бы для того чтобы постучать въ сосѣднюю дверь, безъ своей лошади и нѣсколькихъ слугъ.

Таково положеніе служилаго человека. Нерѣдко онъ желалъ бы разстаться съ нимъ и слиться съ другой категоріей людей „неслуживыхъ“, которые не несутъ такихъ тяжелыхъ повинностей, какъ онъ, и живутъ гораздо лучше его. Ничто бы его и не удержало, если бы не эта служба, съ которой онъ связанъ неразрывной цѣпью. Понятія о корпоративной чести отсутствовали. Въ дѣйствительности демаркаціонная линія между служивыми людьми проводилась только лишь служебнымъ спискомъ. Кто-нибудь изъ „боярскихъ дѣтей“ имѣетъ братьевъ, которые по какому-либо случаю не попали въ служебные списки, живутъ, какъ простые крестьяне и довольны своей судьбой. Случалось, что кто-нибудь изъ тѣхъ же „боярскихъ дѣтей“ поступалъ въ кому-нибудь изъ знати въ качествѣ простого портного.

Даже на вершинѣ новой служебной іерархіи замѣчается отсутствіе чувства солидарности, завѣщаннаго аристократическими связями прошлаго или выработаннаго общностью новыхъ служебныхъ обязанностей и положеній. Оно постепенно измѣняется и исчезаетъ среди вѣчнаго произвола и постоянной перетасовки; люди перебрасываются съ одного мѣста на другое и изъ одного состоянія переходятъ въ другое, съ низшей ступени служебной лѣстницы на высшую, изъ послѣдняго ранга въ первый и наоборотъ.

Происхожденію и служебнымъ степенямъ значенія не придавалось. Всѣ смѣшивались, и сегодняшній царь завтра могъ оказаться равнымъ съ самымъ знатнымъ бояриномъ. Смѣшиваясь съ этой толпой „слугъ“ низшаго происхожденія и не чувствуя ни кровныхъ связей, ни общихъ тради-

цій и интересовъ съ ними, потомки Рюрика и Гедимина скоро сами утрачиваютъ если не гордость и воспоминаніе о своемъ происхожденіи, то, по крайней мѣрѣ, стремленіе защищать, возвышать и высоко цѣнить свою новую службу, раздѣляемую съ такими товарищами.

Такъ совершающійся процессъ развитія повторяется и въ другихъ слояхъ этого общества, лишеннаго единства. Ходъ его еще яснѣе замѣтенъ въ судьбѣ другого класса — крестьянъ.

V.

К р е с т ь я н е.

То, о чемъ я собираюсь говорить здѣсь, представляетъ собой печальное явленіе.

Ребенкомъ я еще видѣлъ послѣдніе дни режима, исчезнушаго въ Россіи полвѣка тому назадъ. Актъ освобожденія крестьянъ въ 1861 году казался тогда запоздавшимъ актомъ справедливости и политическаго благоразумія. Въ дѣйствительности же онъ былъ преждевременнымъ и поспѣшнымъ, такъ какъ уничтожаемый имъ порядокъ вещей существовалъ всего лишь два съ половиной вѣка.

Въ противоположность тому, что совершалось во всѣхъ другихъ государствахъ Европы, въ Россіи крѣпостное право явилось не пережиткомъ варварскихъ временъ, а явленіемъ, возникшимъ на почвѣ новыхъ отношеній при переходѣ государства къ европейской цивилизаціи. Въ нѣкоторомъ смыслѣ оно парадоксальное слѣдствіе новой фазы національнаго развитія русской жизни.

Парадоксъ этотъ — несомнѣнный фактъ. Къ концу шестнадцатаго вѣка, когда во всѣхъ европейскихъ государствахъ, не исключая и сосѣдней Россіи Польши, связи между крестьянами и владѣльцами земли разрывались или, по крайней мѣрѣ, ослабѣвали, когда подъ вліяніемъ новыхъ социально-экономическихъ законовъ рушился феодальный міръ, — въ Россіи въ это время напротивъ выковывались цѣпи, которыя здѣсь раньше вовсе и не существовали.

До этого времени главная масса крестьянъ занимала покоренныя или колонизированныя земли и была, по крайней мѣрѣ, формально свободна. Можно сказать, что положеніе ихъ даже нѣсколько улучшилось по сравненію съ прежнимъ. Прежде ихъ называли *смердами*, что служило обозначеніемъ презрѣнія къ нимъ и было позорнымъ (*смерды* — неприятно пахнетъ). Теперь же они получили другое

общее названіе, указывающее на ростъ ихъ соціального достоинства, а также свидѣтельствующее и объ отсутствіи корпоративнаго обособленія, что является характернымъ признакомъ отношеній того времени между общественными элементами этой страны. Живутъ ли они въ деревнѣ или въ городѣ, обрабатываютъ землю или посвящаютъ себя другимъ занятіямъ, ихъ называютъ *крестьянами*, т. е. *христианами*.

Они образуютъ главную массу земледѣльческихъ и промышленныхъ рабочихъ. Обрабатывалъ ли крестьянинъ землю собственную или же такую, которая принадлежит ему только частью, онъ лично и его трудъ оставались свободными. Въ первомъ случаѣ онъ располагалъ землей совершенно свободно, лишь бы уплачивалъ причитающіеся съ него налоги въ пользу государства или общины, отъ которой онъ зависелъ. Во второмъ случаѣ онъ являлся фермеромъ или арендаторомъ и уплачивалъ за пользованіе земельнымъ участкомъ владѣльцу известную сумму, согласно договору. Условія и арендная плата были не вездѣ одинаковы и зависели отъ мѣстныхъ обычаевъ, качества и дѣйствительной стоимости земли, а также и отъ юридическихъ свойствъ занимаемой земли.

Одни изъ земель назывались *бѣлыми*, т. е. свободными отъ государственныхъ налоговъ, другія *черными*. На послѣднихъ лежало податное бремя. Къ первымъ принадлежали вотчины и помѣстья, ко вторымъ относились земли дворянъ и крестьянскія. Земельныя владѣнія церкви относились то къ одной, то къ другой категоріи, въ зависимости отъ условій, создаваемыхъ для духовенства, и отъ того, къ какому разряду относились приобретаемыя имъ участки.

Арендные или оброчные договоры заключались на три года и на болѣе продолжительное время, въ зависимости отъ сѣвооборота. Договоры такіе были очень часты вездѣ на сѣверѣ и въ центрѣ края. Лица, приобретающія право пользоваться землей, въ большинствѣ случаевъ пользовались значительной свободой дѣйствія. Другіе же договоры создавали для землевладѣльца повинности, напоминающія обязательства англійскаго *Svein*'а. Онъ долженъ былъ рубить лѣсъ для помѣщика и перевозить въ его усадьбу, иногда уплачивать при выдачѣ замужъ дочерей нѣкоторую сумму, по образцу французскаго *lognariage*'а. Обычай требовалъ также, чтобы каждый изъ держателей земель дѣлалъ нѣкоторые подарки ея владѣльцу къ Рождеству, Пасхѣ и другимъ праздникамъ.

Все эти спеціальныя повинности носили названіе *барщины*, *издѣлья* или еще боярщины. Въ нихъ можно видѣть зародышъ будущихъ, увы, уже рабскихъ отношеній. Барщина и другія повинности имѣли въ то время нѣкоторое основаніе въ томъ, что крестьянинъ часто получалъ отъ помѣщика ссуды деньгами, земледѣльческими орудіями и сѣменами. Все взятое онъ долженъ былъ возратить вмѣстѣ съ процентами.

Цѣны на пользованіе землей были очень различны, и трудно установить ихъ размѣры. Въ центральныхъ областяхъ плата за *обжю* или *вытъ* (пятьдесятъ десятиць)—достигала въ срединѣ шестнадцатаго вѣка 1—2х рублей. Но часто денежная плата замѣнялась отработкой. Держатель, наиримѣръ, *обжю* долженъ былъ за нее обработать владѣльцу одну или полторы десятины. Остается установить относительную цѣну рубля въ эту эпоху.

По сопоставленію цѣнъ на хлѣбъ, онъ равнялся почти 100 современнымъ нашимъ рублямъ. Но это опредѣленіе слишкомъ проблематично.

На *черныхъ* земляхъ, принадлежавшихъ государству, плата за землю замѣнялась налогами и повинностями, вполнѣ соответствовавшими ей, но вообще менѣе тяжелыми. На *бѣлыхъ* и *черныхъ* земляхъ, принадлежащихъ церкви и особенно монастырямъ, условія землепользованія обыкновенно были болѣе легкими.

Крестьянинъ, на чьей бы землѣ онъ ни сидѣлъ, могъ свободно оставить ее, лишь бы только покончить расчетъ съ ея владѣльцемъ. Точно также послѣдній могъ передать ее другому крестьянину по окончаніи контракта. Подобныя явленія встрѣчались сплошь и рядомъ. Чрезвычайная подвижность населенія издавна была характерной чертой русскаго государства; въ это время она даже нѣсколько усилилась къ этому. Но уже съ XIV вѣка эта обоюдная свобода, благодаря экономической необходимости, подверглась ограниченію. Сначала установился обычай, что помѣщикъ не могъ воспользоваться своимъ правомъ во время жатвы, когда у крестьянина также не могло явиться мысли воспользоваться своимъ. Иванъ III установилъ болѣешую опредѣленность въ отношеніяхъ между владѣльцемъ и крестьяниномъ. Время и двухнедѣльный срокъ для взаимныхъ расчетовъ были приурочены къ Юрьеву дню (17 ноября). Съ этого времени крестьяне при переходѣ начинаютъ уплачивать владѣльцу земли такъ называемое *пожилое* въ размѣрѣ отъ 65 копѣекъ и до рубля шести коп., въ зависимости отъ цѣнности участка. Таковъ былъ законъ. На практикѣ онъ, конечно, часто нарушался. Рабочихъ рукъ было

мало, и ихъ разыскивали повсюду. Какъ князья переманивали другъ отъ друга себѣ „слугъ“, такъ и помѣщики переманивали крестьянъ. Часто это производилось насильственнымъ способомъ и называлось *свозомъ*. Нерѣдко крестьянина удерживали на прежнемъ мѣстѣ подъ предлогомъ неуплаты какихъ-нибудь повинностей. Но, несмотря на эти стѣненія и ограниченія, свобода оставалась свободой.

Положеніе крестьянина, безъ сомнѣнія, было тяжело. Онъ выполнялъ повинности передъ помѣщикомъ и общиной, вносилъ подати на судопроизводство. Причемъ плата за пользованіе землей все увеличивалась. Въ своей книгѣ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ въ XVI вѣкѣ Рожковъ разсчиталъ, что въ сѣверныхъ областяхъ около половины крестьянскаго урожая поступало въ пользу помѣщика. Остальной же части едва хватало на полгода, чтобы прокормиться крестьянину съ своей семьей. Разведение скота или какой-нибудь мелкій промыселъ помогали только кое-какъ сводить концы съ концами. Крестьянинъ былъ очень бѣденъ, но онъ, какъ древній англо-саксонскій *seorl* или германскій *Markgenosse*, въ юридическомъ и административномъ отношеніи былъ равнымъ до нѣкоторой степени съ бояриномъ, купцомъ и духовенствомъ. Судебныя учрежденія были общими какъ для него, такъ и для лицъ другихъ сословій. Причемъ въ тяжбѣ съ лицами иного сословія, подчинившимися особой юрисдикціи, крестьянинъ, наравнѣ съ другими, могъ требовать для себя того суда, которому онъ подлежалъ по закону. Къ тому же крестьянинъ пользовался нѣкоторой долей самоуправленія въ средѣ сельской или городской общины, которая еще въ недавнее время служила предметомъ испытанія проникательности историковъ. Я еще вернусь къ этому вопросу при болѣе основательномъ разсмотрѣніи подробностей организаціи государства.

Какъ я уже упоминалъ, не всѣ крестьяне занимались земледѣліемъ. Въ документахъ этого времени часто встрѣчается раздѣленіе крестьянъ на *пахатныхъ* и *деревенскихъ*. Что же представляли собой эти *деревенскіе* крестьяне? Документы относятъ къ этой категоріи мельниковъ, портныхъ, сапожниковъ. Здѣсь еще разъ выступаетъ отсутствіе корпоративной организаціи, смѣшеніе социальныхъ элементовъ; исключеніе составляетъ только церковь.

Итакъ, въ деревняхъ есть крестьяне, не занимающіеся обработкой земли, а въ городахъ встрѣчаются крестьяне-земледѣльцы. Въ деревняхъ крестьяне изъ первой категоріи часто примыкаютъ къ загадочному разряду *бобылей*, хотя это нѣкоторыми оспаривается. (См. по этому вопросу

книгу Дьяконова „Очерки по исторіи сельскаго населенія въ Россіи“, 1889 г. стр. 209 и Сергѣевича „Русскія юридическія древности“, 1903 г. III т., 133 и слѣд. стр.). Бобыли—это крестьяне безъ земли. Иногда они обрабатываютъ землю, но въ качествѣ батраковъ. Большею же частью это ремесленники, но еще чаще просто бродяги, смѣшивающіеся съ другими разнаго рода общественными отбросами—казаками, скоморохами, нищими и даже разбойниками. Въ несеніи налогового бремени бобыли принимали участіе, и было бы крупной ошибкой считать, что въ этомъ отношеніи они составляли исключеніе и отличались отъ *тяммы* (отъ слова тянуть, т. е. несть податныя повинности).

Земли иногда еще освобождались отъ налоговъ особыми грамотами на время или на всегда, но это составляло исключеніе. *Тянутъ же тяло*—было общимъ правиломъ даннаго времени. Платили вездѣ и за все. Съ бобылей также взымались платежи и повинности съ дома и съ ремесла, которымъ они занимались. Не платили они налоговъ за землю, которую иногда обрабатывали, но это потому, что занимались этимъ дѣломъ въ пользу другихъ. Это единственное различіе между бобылями и обыкновенными крестьянами-землевладѣльцами.

Въ бобыли можно было попасть или по несчастію, или по доброй волѣ. Но ничто не удерживало въ этомъ незавидномъ положеніи, и съ нимъ легко было разстаться, лишь бы нашлись средства, чтобы вернуться къ тому положенію, въ какомъ находились остальные крестьяне. Въ XVI вѣкѣ количество бобылей среди сельскаго населенія колеблется отъ 2,4% до 41,8%. Цифры болѣе низкія относятся къ монастырскимъ владѣніямъ. Въ слѣдующемъ вѣкѣ это отношеніе измѣнилось благодаря вліянію смуты, терзавшей наслѣдіе Грознаго. Населеніе сдѣлалось еще болѣе подвижнымъ, и одни только монастыри болѣе или менѣе удерживаютъ рабочія руки, привлекая изъ селъ и деревень массу бобылей и другихъ земледѣльческихъ элементовъ, такъ называемыхъ *монастырскихъ дѣтенышей*. Они не платили податей, но все-таки были лично совершенно свободными.

Существовало ли тогда рабство въ русскомъ государствѣ, которое до половины XIX вѣка являлось послѣднимъ оплотомъ крѣпостнаго права въ Европѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Но въ XVI вѣкѣ несвободный элементъ составлялъ едва замѣную часть населенія.

VI.

Несвободное населеніе.

Даже въ позднѣйшее время обращеніе военноплѣннаго въ рабство признавалось на Руси естественнымъ правомъ побѣдителя. Кромѣ того, рабство имѣло еще и другіе источники, какъ-то: выходъ замужъ за раба и рожденіе отъ такого брака, несостоятельность должника, выполнение нѣкоторыхъ обязанностей по домашней службѣ и добровольное согласіе стать рабомъ. До XIV вѣка должность *тиуна* (княжескаго ключника) была связана неразрывно съ лишеніемъ личной свободы. Несостоятельный должникъ до XVII вѣка становился рабомъ своего кредитора до тѣхъ поръ, пока не погашался полностью долгъ. Въ XVI вѣкѣ къ этимъ источникамъ рабства присоединился еще одинъ—новаго происхожденія, такъ называемая *кабала*. Это арабское слово обозначаетъ такой договоръ, когда занимавшій деньги, обязывался уплатить ихъ съ процентами посредствомъ отработка. Самъ по себѣ такой договоръ не влечетъ за собой потери свободы, такъ оно и было въ Германіи и южной Италіи. *Кабальный* могъ освободиться, расплатившись. Но въ Россіи кабальная зависимость влекла за собой потерю личной свободы, рабство. Вся исторія сложившагося здѣсь рабства полна примѣрами такихъ фактовъ.

Законы Ивана Грознаго перечисляютъ четыре категоріи рабовъ: полные *холопы*, такіе, которые обращены въ безусловное рабство, распространяющееся и на ихъ потомство; *холопы старые*, т. е. утерьявшіе свободу въ силу давности по какимъ-либо условіямъ, *холопы кабальные* и, наконецъ, *докладные*, утратившіе свободу по докладу—особой формѣ договору, свободно заключенному. Констатируя положеніе, созданное прошлымъ, законодатель старается смягчить это завѣщаніе варварскихъ временъ, стремится ограничить условія перехода во многихъ случаяхъ. Вступивъ въ общеніе съ западнымъ міромъ, Россія, казалось, склонна была вмѣстѣ съ другими плодами цивилизаціи усвоить и свободу. Мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ и не можемъ представить точныхъ цифръ, но, основываясь на косвенныхъ указаніяхъ, приходимъ къ заключенію, что вопросъ объ избавленіи отъ рабской зависимости касался самой незначительной части трудового населенія.

Эта была эпоха, за которой послѣдовало всеобщее порабощеніе народа. Какъ же это случилось? Почему про-

изошло такое странное извращеніе въ ходѣ развитія уже опредѣлившихся отношеній?

До послѣдняго времени вся тяжесть ответственности за введеніе на Руси крѣпостного права, по общему мнѣнію, должна была пасть на правительство конца XVI вѣка. По наиболѣе распространенному взгляду, оно одно по своему почину и собственными средствами произвело глубокой и печальный переворотъ въ юридическомъ и социальномъ положеніи трудящихся массъ. Теперь этотъ ошибочный взглядъ оставленъ. Крѣпостное право здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, явилось продуктомъ времени и особеннаго политическаго и экономическаго состоянія государства. Нѣтъ надобности для объясненія этого факта прибѣгать къ туманнымъ построеніямъ славянофильской доктрины.

По мнѣнію Кавелина (Сочиненія, I, 630), крѣпостное право есть естественное, логически неизбежное слѣдствіе всей организаціи русскаго государства, основанной на принципѣ патриархальной власти. Съ этой точки зрѣнія оно носитъ скорѣе характеръ благодѣянія. Встрѣчавшіеся иногда случаи жестокаго обращенія обуславливались всеобщей грубостью нравовъ, но никакъ не принципомъ.

Власть одного человѣка надъ другимъ представляла собой только видъ опеки и основывалась не на силѣ господина, а на слабости опекаемаго, нуждавшагося въ опорѣ, защитѣ и руководствѣ. Но эта гипотеза не объясняетъ намъ, почему именно въ періодъ государственнаго развитія замѣчается увеличеніе массы социально обездоленныхъ и ухудшенія ихъ тяжелаго положенія, когда, казалось бы, личная зависимость должна была если и не уничтожиться, то, по крайней мѣрѣ, ослабѣть. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, какъ рисуютъ ее историческіе факты, мы видимъ другую картину. Въ исторіи русскаго населенія XVI вѣка замѣчаются два крупныя явленія: это быстрое исчезновеніе крестьянъ-собственниковъ и внезапное обѣдненіе всего вообще крестьянскаго населенія.

И вотъ послѣдствія: съ одной стороны, масса трудящихся—земледѣльцевъ и другихъ, не находя больше средствъ къ пропитанію, рѣшаются отказаться отъ своей свободы, чтобы не умереть съ голоду. Съ другой—огромное количество крестьянъ, сидящихъ на чужой землѣ, не въ состояніи уже расплатиться съ владѣльцами и такимъ образомъ теряютъ существенное право, отъ котораго зависятъ ихъ свобода, право перехода къ другому помѣщику по истеченіи договорнаго срока. Одни, утративъ кормящую ихъ землю, должны были или просить милостыню, или

идти въ холопы. Другіе не въ состояніи возвратитъ владѣльцу занимаемыхъ ими участковъ земли полученную отъ него въ той или иной формѣ ссуду. Въ большинствѣ случаевъ крестьянинъ при вступленіи въ пользованіе участкомъ земли получалъ ссуду, равнявшуюся 3 рублямъ. По истеченіи 10 лѣтъ онъ обязывался возвратитъ вмѣсто 3 руб. 30 руб. и, кромѣ того, уплатитъ 56 к. или 1 р. 06 коп. *по жилому*. Это составляло около 300 руб. на наши деньги.

Въ большинствѣ случаевъ сдѣлать одновременно уплату такой крупной суммы не было никакой возможности. Такъ создавалось препятствіе къ переходу къ другому владѣльцу. Непрерывно растущій долгъ, *серебро*, какъ его называли, обращался въ обязательство, прикрѣплявшее крестьянина къ землѣ. Въ концѣ концовъ эти *серебряники* сливались съ простыми рабами — *холопами докладными и кабальными*. Точно такая же была исторія несостоятельныхъ арендаторовъ, сидѣвшихъ на римскомъ *ager publicus*, какъ изображаетъ въ своихъ изсѣдованіяхъ Фюстель де Куланжъ.

Формально признавалась личная свобода большей части крестьянъ, но она на практикѣ съ половины XVI вѣка сдѣлалась привилегіей землевладѣльцевъ и все болѣе и болѣе уменьшающейся группы незадолженныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ.

Что же послужило причиной этого общаго обѣдненія земледѣльческаго класса? Не трудно угадать. Военное положеніе обходилось слишкомъ дорого. И уже указывалъ, какую боевую организацію создало московское государство. Непрерывно увеличивая свои военныя силы, оно должно было соответственнo увеличивать и расходы.

Приходилось прежде всего платитъ вознагражденіе „служилымъ людямъ“, которые все въ большемъ и большемъ количествѣ призывались подъ знамена. Затѣмъ, стремясь преобразовать свое военное устройство по образцу западно-европейскихъ государствъ, правительство должно было дѣлать расходы на новое иностранное вооруженіе, экипировку и уплату жалованья иностранцамъ, набравшимся въ русскія войска изъ разныхъ европейскихъ странъ. Откуда же было брать средства для этого?

Единственнымъ источникомъ обложенія, единственнымъ доступнымъ для пользованія богатствомъ края была земля. На нее-то и легли всѣ эти новыя тяготы. Что бы надѣлать *служилымъ* помѣстьями, правительство уменьшало владѣніи крестьянъ; чтобы наградить иностранныхъ мастеровъ, оно облагало податями помѣщиковъ, которые старались выжимать побольше съ крестьянъ, сидѣвшихъ на ихъ землѣ. Земля отвѣчала за все, покрывала всѣ расходы. Она стала

какъ бы государственной монетой, на которую размѣнивался трудъ, служба военная и гражданская и всякаго рода повинности. И земля не сопротивлялась. Никогда, даже находясь въ рукахъ вотчинниковъ, она здѣсь не считалась предметомъ полной, неприкосновенной собственности. Очень рано установился взглядъ, что земля является въ сущности достояніемъ государства. Переходъ ея въ частныя руки допускался въ извѣстныхъ предѣлахъ, но верховное право на нее сохранялось за государственной властью. Сами землевладѣльцы оказывались въ полной зависимости отъ государя. При отсутствіи корпоративной организованности, что я уже раньше отмѣчалъ, они не въ состояніи были оказывать ему серьезное сопротивленіе и защищать свои интересы.

Такъ своей слабостью или покорностью они способствовали развитію системы, отъ которой сами же страдали. Болѣе же строптивымъ оставалось одно средство — бѣгство за предѣлы досягаемости. Это характерная черта русскаго челоука — скрыться, уйти прочь, но только не бороться съ невыносимыми условіями. Мы еще увидимъ, какъ проявилась въ исторіи эта черта. Крестьяне прибѣгали къ вышеуказанному способу защиты въ количествѣ еще болѣе значительномъ, чѣмъ помѣщики. Для нихъ бѣжать было и легче. За помѣщиками и вотчинниками болѣе слѣдили. Отправляясь въ сосѣднюю Польшу искать себѣ счастья, они подвергались большому случайностямъ и серьезному риску. Крестьянину стоило только перейти юго-восточную, слабо охраняемую, границу, а тамъ за нею тянулись безконечныя пространства, гдѣ его гостепримно встрѣчала свободная отъ всякихъ налоговъ и повинностей дѣвственная земля.

Въ XVI вѣкѣ, съ самаго начала его, земледѣльческое населеніе русскаго государства бѣжитъ, оставляя землю необработанной. Явленіе это становится общимъ и принимаетъ размѣры настоящаго національнаго бѣдствія. Государство чувствуетъ, что это подрываетъ его основы и считаетъ нужнымъ вмѣшаться. Оно обращается сначала къ болѣе угнетеннымъ. Определенныхъ плановъ пока еще не замѣчается, но уже съ половины XVI вѣка проведенъ рядъ мѣръ, если и не въ законодательномъ, то въ административномъ порядкѣ и путемъ цѣлаго ряда судебныхъ рѣшеній. Мѣры эти имѣли цѣлью сдѣлать неподвижнымъ налогъ и такимъ образомъ удержатъ населеніе на *черныхъ* дворцовыхъ земляхъ. Сидѣвшіе на чужой землѣ были еще свободны оставить свой участокъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ, куда они перейдутъ, несли такое же, какъ и прежде, или высшее *тѣло*. Затѣмъ очередь до-

шла до *блѣвнѣ* земель, находившихся во владѣніи служилыхъ людей. Крестьяне убѣгали и разоряли помѣщика, а разоренный помѣщикъ оставлялъ государство въ убыткѣ.

Правительство, не прибѣгая пока къ общимъ мѣрамъ, старалось упрочить положеніе помѣщиковъ и обезпечить себѣ регулярность ихъ службы путемъ частныхъ мѣстныхъ распоряженій. Помѣщику, напримѣръ, въ видѣ исключенія предоставлялось право задерживать поселившихся на его земляхъ крестьянъ, а также разыскивать и возвращать ихъ къ себѣ въ случаѣ бѣгства.

Такова вообще была политика Москвы: сначала ставить только вѣхи будущей рѣшительной, коренной реформы.

Двѣ грамоты, данныя братьямъ Строгановымъ въ половинѣ XVI вѣка, ознаменовали собой рѣшительный шагъ правительства на этомъ пути. Въ грамотахъ было сказано, что Строгановы обязаны ловить и возвращать на мѣсто бѣглыхъ крестьянъ, если они оказались въ обширныхъ областяхъ, отданныхъ имъ для колонизаціи. Сюда, въ отдаленныя, дикія степи направлялось изъ центра населеніе, разрушая такимъ образомъ экономическое благосостояніе государства и его военную силу. Нѣкоторые полагали, что съ половины XVI вѣка общимъ мѣропріятіемъ былъ запрещенъ свободный переходъ только для извѣстной категоріи крестьянъ — такъ называемыхъ *старожильцевъ*, т. е. земледѣльцевъ, уже давно сидѣвшихъ на занимаемыхъ ими участкахъ.

Однако, вопреки мнѣнію *Дьяконова* и другихъ историковъ, *Сергеевичъ* рѣшительно опровергъ эту гипотезу (*Русскія юридическія древности*, III, 460 стр. и дальше). Вопросъ о рабочихъ рукахъ и о поземельномъ обложеніи сыгралъ здѣсь рѣшающую роль. Онъ породилъ то чудовище, которое носило имя *крепостного права*. Одно рабство имѣло слѣдствіемъ другое: служилый человекъ, запертый въ желѣзной клѣткѣ, втолкнулъ въ нее крестьянина, за которымъ въ свою очередь туда послѣдовали купецъ и духовенство. Мы уже видѣли, что городское населеніе ничѣмъ не отличалось отъ сельскаго. Въ этомъ заключалась цѣлая пропасть, отдѣлявшая Россію XVI вѣка отъ другихъ европейскихъ государствъ.

VII.

Городское населеніе.

На западѣ усиленіи торговли и промышленности привели къ организаціи городского населенія въ корпораціи, воору-

женныя для борьбы съ феодализмомъ. Въ средѣ этихъ группъ, благодаря солидарности ихъ членовъ между собой, выработался тотъ духъ свободы, который царилъ надъ всеѣмъ устройствомъ самоуправляющихся общинъ; развилась матеріальная и умственная дѣятельность, откуда вышли высшія формы экономической жизни: накопленіе капитала, учрежденіе кредита и высшія формы умственной жизни: наука, искусство, общественность.

Россія не знала ничего подобнаго и, быть можетъ, именно отсутствіе этихъ центровъ жизни и общественной позиціи способствовало образованію, и укрѣпленію введеннаго въ государствѣ деспотическаго строя.

Торговля оставалась ограниченной, промышленность едва существовала, и городъ здѣсь не являлся естественнымъ слѣдствіемъ ихъ развитія. Долгое время городъ, какъ показываетъ само названіе (*городъ, опороженное, укрѣпленное мѣсто*), имѣлъ совершенно иное назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, въ Москвѣ промышленная и торговая жизнь кипѣла внѣ городскихъ стѣнъ, въ *посадахъ* и *слободахъ*, населенныхъ множествомъ ремесленниковъ. Послѣдніе и по своему положенію, и по правамъ сливались съ жившими здѣсь же съ ними и не уступавшими имъ по численности земледѣльцами. Только въ XVI вѣкѣ государство рѣшило установить различіе чисто фискальное, сводившееся не къ различію между двумя категоріями населенія, а между двумя мѣстами жительства: горожане должны были платить больше, чѣмъ поселяне. Реформа, очевидно, не имѣла своей цѣлью установить между плательщиками какую-либо органическую связь. Единственной задачей правительства здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, было создать высшій окладъ налоговъ и сдѣлать его неподвижнымъ. Политико-экономическія идеи правительства были слабы и ошибочно далеки отъ того, чтобы способствовать увеличенію этого источника доходовъ; оно его, напротивъ, парализовало, повышая налоги. Оно ставило на каждомъ перекресткѣ таможеннаго надсмотрщика и на каждомъ углу улицы сборщика, монополизировало для выгоднѣйшей эксплуатаціи все отрасли промышленности и торговли, начиная съ продажи ржи, овса, вообще зерновыхъ продуктовъ, приготовленія пива, кваса и друг. напитковъ.

И нигдѣ никто здѣсь не защищается, не замѣчается ни малѣйшаго слѣда борьбы противъ этого постепеннаго захвата. Случай со Псковомъ и Новгородомъ чисто политическаго характера. Между тѣмъ элементы оппозиціи были. Съ самыхъ отдаленныхъ временъ торговля была въ чести въ странѣ и считалась благороднымъ занятіемъ. Предирія-

тія варяговъ, какъ и древнихъ славянскихъ князей, имѣли одновременно военный и торговый характеръ. Герои національныхъ былинъ—Садко, Соловей Будиміровичъ, Чурило Пленковичъ, Васька Буслаевъ—воплотили этотъ двойственный типъ торговаго дѣльца и отважнаго авантюриста. Опозиціонные элементы были, но недоставало корпоративнаго духа. *Купецъ*, розничный торговецъ и *юсть*—оптовый, оба занимаются коммерціей, но однако они также склонны и къ другимъ занятіямъ и часто предаются имъ.

Съ другой стороны, профессиональная специальность, которой они обязаны своимъ именемъ, не ограничивается только ими. Торговлей съ увлеченіемъ занимаются всѣ: крестьяне, монахи, военные, важные сановники—занимаются до того времени, когда государство, подъ давленіемъ одной и той же заботы, не раздѣлитъ функций, чтобы лучше разложить и закрѣпить повинности. Это будетъ дѣломъ XVII вѣка. Но и тогда будетъ еще только однимъ полкомъ больше въ великой арміи, больше узниковъ въ великой темницѣ, а корпорации все-таки не будутъ; они создадутся позже указами Петра Великаго и Екатерины II. До нихъ исторія не создастъ ихъ. Такимъ образомъ разобщенные социальные элементы послѣ паденія Пскова и Новгорода, поглощенныхъ великой военной державой, лишились единственныхъ центровъ, гдѣ могли достигнуть болѣе или менѣе значительнаго сплоченія. Эти элементы подверглись общей участи закрѣпощенія, такъ какъ были безсильны выполнить ту роль, какую городскія общины Запада блестяще выполнили въ высшемъ культурномъ движеніи.

Оставалась церковь. Я сейчасъ покажу, почему и она, подъ дѣйствіемъ тѣхъ же причинъ не могла идти по слѣдамъ своей западной соперницы.

VIII.

Ц е р к о в ь.

Благодаря обаянію, вытекающему изъ дѣятельности церкви въ странѣ сильной вѣры, и тому, что она была единственной хранительницей и расадницей знанія и, кромѣ того, обладала большими матеріальными средствами, ей удалось достигнуть значительнаго могущества. Заклучая въ себѣ въ началѣ XVI вѣка десять епархій: Московскую, Новгородскую, Ростовскую, Вологодскую, Суздальскую, Рязанскую, Смоленскую, Коломенскую, Зарайскую и Пермскую, она пользовалась въ своемъ вѣдомствѣ обширной

юрисдикціей. Агентами ея въ данной сферѣ дѣятельности являлись церковныя должностныя лица, а также и уполномоченныя свѣтскія—*бояре*, епископскіе дьяки, намѣстники, судьи. Отправленіе суда въ то время было связано съ обложеніемъ тяжущихся сторонъ извѣстными пошлинами: по образцу свѣтскаго суда и церковный эксплуатировалъ населеніе. Порядокъ этотъ основывался на частоправовомъ взглядѣ на государство. Онъ давалъ церкви возможность усилить свои средства, но не увеличивалъ ея моральнаго авторитета. Правда, порядокъ этотъ должна была затронуть реформа, создававшая въ XVI вѣкѣ разныя административныя центры изъ самоуправляющихся общинъ. По примѣру того, что совершалось въ области управленія гражданскаго, были введены выборные и присяжные старосты также и во всѣхъ областяхъ церковнаго вѣдомства; въ то же время церковное судопроизводство оставалось отдѣленнымъ отъ гражданскаго. Но это начинаніе имѣло кратковременный характеръ. Государство испробовало его совершенно случайно, подчинившись либеральнымъ влїяніямъ, шедшимъ съ Запада. Но оно, какъ мы увидимъ, скоро вернулось на путь своего деспотизма, и церковь, подчинявшаяся одному порядку, послѣдовала за правительствомъ и при другомъ. Она постепенно сливалась съ соперничавшей властью государства, пока не произошло почти полнаго совпаденія ихъ органовъ, функций и вѣдомствъ. Между тѣмъ церковь не лишена была средствъ, чтобы отстоять и сохранить свою независимость. Вплоть до управленія имуществомъ, ея прерогативы были равны царскимъ. Церковныя земли, съ точки зрѣнія административной и судебной, были совершенно независимы отъ правительственной власти. Исключеніе составляли только нѣкоторыя уголовныя дѣла—воровство, убійство, разбой. А земли ея были слишкомъ обширны. Неравномѣрно распределенныя, но постепенно возрастающія богатства духовенства бѣлаго и чернаго, послѣдняго въ особенности, превосходили богатства всѣхъ другихъ классовъ. Разсѣянныя въ пятнадцать епархійхъ митрополичьи владѣнія приносили въ концѣ XVI вѣка до 3000 рублей дохода.

Епископъ Новгородскій былъ еще богаче: ежегодный доходъ его равнялся 10—12 тысячамъ рублей. Другія епископства были также щедро и всегда болѣе чѣмъ достаточно надѣлены. Приходское духовенство находилось въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Оно пользовалось скромными земельными надѣлами, которые иногда не превышали 3 десятинъ и рѣдко достигали 30 десятинъ. Кромѣ того, получало денежныя поддержки—*ручи* отъ 12 копѣекъ до 19 руб-

лей. Рассчитывать на щедрость вѣрующихъ не приходилось, такъ какъ жертвовація направлялись преимущественно въ монастыри. По меньшей мѣрѣ, раза четыре въ годъ священникъ обходилъ свой приходъ съ крестомъ и святой водой. Но даже съ дохода, который добывался такимъ нищенскимъ способомъ, епископъ удерживалъ себѣ десятую часть.

Большая часть общественнаго богатства находилась въ рукахъ чернаго духовенства. Оно владѣло громадными пространствами земли. Къ доходамъ присоединилась еще дань національнаго благочестія, часто чрезвычайно огромная. Отъ одного Ивана IV Троицкій монастырь за 30 лѣтъ получилъ не менѣе 25000 рублей, что по минимальному расчету должно составлять около милліона рублей на наши деньги. Находящійся въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь получилъ въ теченіе того же времени 18.493 рубля, не считая даровъ натурой. Напримеръ, въ 1570 году ему было пожертвовано 100 пудовъ меду, въ слѣдующемъ—10 лошадей и отъ времени до времени другіе предметы—иконы, цѣнная церковная утварь. Одно присланное священное облаченіе было оцѣнено въ 6000 рублей.

Обширныя монастырскія владѣнія въ большинствѣ случаевъ освобождались отъ налоговъ и повинностей. Духовенство пользовалось свободой взимать таковыя въ свою пользу. Оно привлекало и удерживало у себя множество рабочихъ рукъ. Къ доходамъ съ земли, которая обрабатывалась лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и къ богатствамъ колонизированныхъ мѣстъ, увеличивавшихъ владѣнія, монахи присоединяли различные промысла. У нихъ скоплялись деньги страны. Выгодно помѣщая ихъ, они становились крупными капиталистами, почти единственными коммерсантами, а какъ землевладѣльцы они не имѣли конкурентовъ. Обладая лучшими землями въ 25 уѣздахъ, Троицкая Лавра имѣла 106600 крестьянъ, и доходъ ея равнялся 100000 рубл. въ годъ; на наши деньги около 2.400.000 рублей. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Иконниковъ устанавливаетъ величину дохода всѣхъ великорусскихъ монастырскихъ общинъ въ 824.593 рубля. Доходъ этотъ получался съ 3.858.396 десятинъ земли, обрабатывавшейся 860.183 крестьянами. Къ этой цифрѣ нужно прибавить еще доходъ съ земель, обрабатывавшихся непосредственно самими монастырями.

Вычисленія эти только приблизительны. Однако всѣ документы, имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи, свидѣтель-

ствуютъ о громадныхъ и несоотвѣтствующихъ общему состоянію страны богатствахъ монастырей.

Было бы однако большой несправедливостью утверждать, какъ это дѣлали въ то время, что духовенство, бѣлое и черное, употребляетъ свои матеріальныя средства и моральное вліяніе только для своихъ выгодъ. Очень долгое время здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, нравственное сознаніе народа находило себѣ поддержку только въ средѣ этой національной церкви и свое выраженіе—въ ея ученіи. По крайней мѣрѣ до половины шестнадцатаго вѣка духовная власть представителей церкви и особенно митрополита служила благодѣтельнымъ противовѣсомъ всемогуществу государства. Изъ правъ, присвоенныхъ высшему духовенству, заступничество за жертвъ произвола и насилія должно быть вписано золотыми буквами въ исторію страны. Кромѣ того, церковь и бѣлое духовенство были дѣятельными сотрудниками и, съ нѣкоторой точки зрѣнія, главными работниками въ великомъ дѣлѣ національнаго объединенія, къ которому стремилась Москва. Это требуетъ поясненія. У первыхъ „собрателей земли русской“ идея единства была еще полусознательной.

Въ своемъ завѣщаніи сынъ Калиты Симеонъ Гордый (1341—1353) настойчиво рекомендуетъ своему сыну идти по намѣченному имъ пути, „чтобы память о нашихъ отцахъ и о насъ не изгладилась и чтобы не потухъ свѣтильникъ“... Однако не гордая мечта переустройства великой родины, а другія заботы вызывали вѣковыя усилія этихъ темныхъ князей. Они прикупаютъ деревню къ деревнѣ, прибавляютъ владѣніе къ владѣнію, накапливаютъ въ своихъ сундукахъ золото, серебро, драгоценные камни, жемчуги, обещиваютъ своего господина, татарскаго хана, при уплатѣ ему дани, разоряютъ и убиваютъ своихъ братьевъ-князей. Если же кому-нибудь изъ нихъ придется высказать свою затаенную мысль, объясняющую причину этой упорной работы, онъ просто скажетъ, что это все дѣлается ради того момента, „когда насъ Богъ избавитъ отъ Орды“... То, чего они желали, была прежде всего свобода, возможность не гнуть больше спины подъ сапогомъ иноземнаго завоевателя и не слизывать съ шеи коня капель кумыса, который прольетъ ханъ изъ кубка, поданнаго ему ими же. Имъ еще приходится это испытывать. И они хотятъ выйти изъ этой зависимости. И когда это случится, они снова примутся накапливать новыя богатства, будутъ совершать новыя насилія и грабежи съ единственной цѣлью приобрести нѣсколько десятинъ и наполнить сокровищами нѣсколько лишнихъ сундуковъ.

Однако идея національнаго единства мало по-малу проникаетъ въ упрямья головы этихъ фанатическихъ скопидомовъ. Она родилась и выросла рядомъ съ ними. Гораздо раньше, чѣмъ какой-либо московскій князь подумалъ сдѣлаться политическимъ представителемъ объединенной Руси, митрополитъ московскій сталъ ея религіознымъ представителемъ. Такова была сила вещей.

Славянскій Востокъ составлялъ какъ бы одну епархію, зависевшую отъ константинопольскаго патріарха. Такимъ образомъ онъ имѣлъ главный центръ объединенія, общій очагъ. Этотъ центръ долгое время былъ кочующимъ, какъ и всѣ другіе. Но уже современникъ Калиты (1325—1341) митрополитъ Петръ рѣшился принять титулъ митрополита *всехъ Руси*, и тогда же князья, отстаивавшіе другъ передъ другомъ первенство Москвы, Рязани, Суздаля, Твери, заспорили изъ-за того, чья столица будетъ мѣстомъ пребыванія митрополита и съ нимъ пріобрѣтеть видимый знакъ превосходства. Михаилъ Ярославичъ Тверской сначала взялъ верхъ и началъ называть себя княземъ *всехъ Руси*. Но Калита скоро побѣдилъ, и преобладаніе Москвы было утверждено за полтора вѣка до Ивана Великаго. Полтора вѣка спустя религіозное единство распалось, благодаря образованію по сосѣдству въ польско-литовскомъ государствѣ новаго духовнаго центра. Флорентійская унія завершила разобщеніе между этими двумя центрами. Но уже въ то время политическое единство, выросшее и окрѣпшее въ Москвѣ, пріобрѣло шансы стать прочнымъ и продолжительнымъ. Монастыри съ своей стороны внесли часть данн въ дѣло колонизаціи, которому новая Русь также въ нѣкоторой степени была обязана своимъ возникновеніемъ.

Движеніе монастырской колонизаціи шло главнымъ образомъ въ противоположномъ направленіи съ тѣмъ, которое совершали обыкновенные колонисты, побуждаемые исключительно практическими соображеніями. Тогда какъ послѣдніе направлялись въ богатая южныя земли, монахи, воодушевляемые высшими идеалами, направлялись на сѣверо-востокъ, въ пустынные мѣста и непроходимые лѣса. Безъ нихъ сюда долго бы еще не проникли и предприимчивые міряне. Тамъ они входили въ соприкосновеніе съ финскимъ населеніемъ, еще поклонявшимся идоламъ, и выполняли двоякую задачу: разрабатывали дѣвственныя земли и просвѣщали души язычниковъ. Они все подвигались и подвигались впередъ. Таковъ Трифонъ, современникъ Ивана Грознаго. Онъ со своимъ товарищемъ Феодоситомъ на берегу рѣки Печенги научилъ искусству обрабатывать землю и просвѣтилъ истиной вѣры лапландскія племена, которыя

встрѣтили сначала враждебно благочестивыхъ отшельниковъ, а потомъ стали послушны имъ.

На востокъ, со стороны татарской границы религіозная проповѣдь также опередила завоеванія. Возникшія здѣсь монастырскія учрежденія задолго до взятія Казани, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, перешли за р. Суру, а потомъ продолжались и дальше, помогая, а иногда и защищая прогрессъ національнаго движенія. Располагая большими средствами, часто хорошо укрѣпленные, монастыри были поддержкой для армій во время военной кампаніи. Монастырь Святаго Кирилла съ своими валами, снабженными артиллеріей и 38 массивными башнями, въ стратегическомъ отношеніи превосходилъ Новгородъ.

Наконецъ, если стеченіе вѣрующихъ въ эти палубленныя мѣста паломничества давали поводъ къ непростительному торгашеству на ярмаркахъ, совпадавшихъ съ приходскими праздниками, если обыкновеніе давать частнымъ лицамъ займы деньги и брать съ нихъ не менѣе 10%, если все это вызывало ожесточенные споры, то все же существовала до XVIII вѣка традиція, требовавшая, чтобы эти богатства, собранныя въ однихъ рукахъ, являлись въ нѣкоторомъ родѣ запасомъ, къ которому государство могло бы прибѣгнуть въ годину испытаній. Подобно сокровищамъ, накопленнымъ египетскими жрецами въ знаменитомъ Лабиринтѣ, не были оберегаемы такъ строго, чтобы въ нихъ не видѣли въ нѣкоторомъ родѣ общаго достоянія. Обычай также требовалъ, чтобы монастыри никому не отказывали ни въ пицѣ, ни во временномъ пристанищѣ. Князья и бояре сами пользовались этимъ, заѣзжая по пути въ Господни обители и, подкрѣпившись въ нихъ, брали еще съ собой запасы въ дорогу. Что же касается бѣдняковъ, то они смотрѣли на обители, какъ на нѣчто принадлежащее имъ. И монастыри оправдывали подобныя претеваніи. Въ Волоколамскомъ монастырѣ въ одинъ неурожайный годъ однажды роздали хлѣба 7000 человекъ и въ теченіи мѣсяца кормили 4—5 тысячъ голодавшихъ. Это было при Василии Ивановичѣ, отцѣ Грознаго. Игуменъ Юсифъ въ этотъ годъ продалъ скотъ и даже монастырскія облаченія. Монахи отказались даже отъ кваса и ограничивались самой необходимой суровой пищей. Съ этого же времени стали основываться при монастыряхъ гостепримницы и больницы.

Чего же недоставало этимъ подвижникамъ, чтобы еще больше возвысить ихъ значеніе, чтобы, какъ на Западѣ, основать въ своихъ обителяхъ и при церквахъ очаги высшей культуры и элементарнаго образованія, чтобы стать не только религіозными просвѣтителями, но и воспитате-

лями, насадителями цивилизации среди своего народа? Чего не было у этих, часто героических, священников, из которых одни ходят от дверей къ дверямъ, собирая подаянія для тысячъ обездоленныхъ, другіе выдерживаютъ борьбу со стихіями въ суровомъ сѣверномъ краѣ или идутъ къ трону смягчать страшный царскій гнѣвъ? Исторія давно отвѣтила: имъ недоставало образованія.

Изъ 23 митрополитовъ, бывшихъ на Руси до монгольскаго нашествія, 17 было грековъ, и еще долго послѣ этого греческій и болгарскій элементъ преобладалъ въ составѣ духовенства какъ бѣлаго, такъ и чернаго. Даже послѣ того какъ русскіе митрополиты перестали быть поставляемы въ Константинополь, т.-е. сразу же послѣ Флорентійской уніи, они все еще продолжали искать тамъ утвержденія въ своемъ санѣ.

Частыя появленія на Руси восточныхъ монаховъ за сборомъ милостыни и частыя путешествія русскихъ паломниковъ къ обителямъ Аѳонской горы и другимъ сосѣднимъ святынямъ — все это поддерживало непрерывныя сношенія между обѣими церквами. Религіозная жизнь страны, такимъ образомъ, постоянно обращалась къ своему первоисточнику. Исторія доказала, что это былъ источникъ, изъ котораго и Западная Европа нѣкогда утоляла свою духовную жажду. Я покажу дальше, что Русь XVI вѣка могла пріобрѣтать отсюда, какіе элементы культурнаго и нравственнаго развитія могла черпать тамъ. Я останавлиюсь здѣсь только на одномъ фактѣ.

Съ 1420 по 1500 годъ въ странѣ возникло 150 новыхъ монастырей и съ 1500 по 1588 г. еще 65. Хотя англійскій путешественникъ Флетчеръ и преувеличилъ, называя Россію шестнадцатаго вѣка „страной монастырей“, но несомнѣнно, что этого рода учрежденія достигли въ эту эпоху сравнительно большихъ размѣровъ. Крайняя свобода, которая царила тамъ, одна въ достаточной степени можетъ объяснить это.

Первый пришедшій отшельникъ, имѣвшій средства выстроить какую-нибудь маленькую церковку или молельню изъ дерева, могъ по желанію сдѣлаться игуменомъ, начальникомъ общины. Онъ обращался къ государю, боярамъ или просто богатымъ людямъ, чтобы получить отъ нихъ земли, а благочестіе вѣрующихъ и значеніе, какое вообще придавалось молитвамъ иноковъ, дѣлало остальное. Но всѣ эти учрежденія принимали неизмѣнно уставъ Василія Великаго, какъ Западныя общины долгое время придерживались устава святаго Бенедикта. Это положеніе сохранилось до нашихъ дней. Не есть ли это доказательство ничтожной

интенсивности въ религіозной жизни, застывшей въ одной формѣ?

Жизнь есть движеніе. Съ другой же стороны, мотивы, удерживающіе въ такой косности эти общины, не имѣютъ ничего общаго съ заботами о благочестивомъ созиданіи или о возвышенномъ духовномъ усовершенствованіи. Показавъ само явленіе, я долженъ подойти къ его обратной сторонѣ. Тѣ факты, о которыхъ я буду говорить, общеизвѣстны. Они возбудили почти общее порицаніе даже въ средѣ самой церкви и вызвали реакцію, происхожденіе и характеръ которой я выясню, хотя она и оказалась безсильной и почти безплодной.

Аскеты—идеалисты того времени, такіе, какъ Максимъ Грекъ, Вассіонъ Косой или Нилъ Сорскій закончили свою жизнь въ заточеніи, преданные анаемѣ, исключенные изъ числа членовъ религіозной общины. Тотъ самый Феодонитъ, о высокихъ подвигахъ котораго я уже упоминалъ, долженъ былъ умереть въ темницѣ. Вина его заключалась въ томъ, что онъ давалъ своимъ современникамъ слишкомъ высокой примѣръ для подражанія. Большинство его собратій въ клубукахъ было далеко отъ этой возвышенности.

Если они и не ограничивались тѣмъ, что въ праздности, а иногда и въ невоздержности, ѣли плоды своихъ занятій, если они, какъ мы видѣли, порой и удѣляли часть своихъ средствъ бѣднымъ, все же ихъ кругозоръ не выходилъ изъ сферы увлеченнаго набожностію, ограничивающейся внѣшней обрядностію. Очень много архимандритовъ и игуменовъ шли по еще болѣе наклонному пути. Они отдавали монастырскія богатства въ ростъ и приспособляли уставъ къ своимъ сибаритскимъ привычкамъ. Общая жизнь въ монастыряхъ стала рѣдкимъ явленіемъ. Общимъ столомъ пользовались только нѣкоторые изъ братій. Пища ихъ была остатками пышныхъ трапезъ настоятелей, завладѣвшихъ общимъ достояніемъ и широко жившихъ на нихъ со своими застольниками, родными, друзьями, богатыми вельможами, избравшими себѣ мѣстомъ жительства эти роскошныя Оиванды Тамъ весело проводили жизнь. Много пили. Съ XVI по XVII вѣкъ, какъ показала Прыжовъ въ своей *Исторіи кабаковъ* (1868 г. стр. 53), монастыри были крупными производителями и хранилищами разнаго рода напитковъ. Въ нихъ собирались многочисленныя веселыя компаніи. Женщины часто посѣщали кельи. Иногда тамъ встрѣчались также мальчики. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини жили рядомъ.

Преобразовательное теченіе шестнадцатаго вѣка должно было коснуться этого міра, зараженнаго испорченностью

правовъ, какъ и западныя монастырскія общины той же эпохи. Но здѣсь не было достаточно жизненнаго элемента, чтобы произвести реформу и дать ей восторжествовать. Начинанія въ этой области скоро остановились и нравственный авторитетъ церкви былъ навсегда поколебленъ. Общественная роль церкви въ это время уменьшилась и значеніе ея сильно ослабѣло, благодаря дѣйствию другихъ причинъ. До татарскаго нашествія раздѣленіе русской земли на маленькія княжества и сохраненіе постоянной связи церкви съ Константинополемъ были гарантіей независимаго положенія ея владыкъ. Но въ это время они рѣшили стать подъ защиту новой власти. Митрополитъ Кириллъ сталъ жить при дворѣ самого хана. Милостивая грамота Мангу Тимура и щедро раздававшіеся его преемниками ярлыки были наградой за это положеніе. Но полученныя такимъ образомъ милости влекли полнѣйшее отреченіе отъ бывшей независимости, и когда Москва получила наслѣдіе азіатскихъ деспотовъ, привычка духовныхъ владыкъ къ повиновенію уже прочно укрѣпилась. Указы замѣнили собой ярлыки и требовали того же подчиненія.

Съ другой стороны, какъ мной указано выше, церковь поработавъ надъ созданіемъ національнаго единства, способствовала разрушенію удѣловъ. Раздѣленіе страны дѣйствительно мѣшало проявленію ея власти. Но когда одно политическое предпріятіе преслѣдуется двумя союзниками, они непременно сливаются, и слабая сторона должна подчиниться болѣе сильной. Всемогушество, достигнутое Москвой, освятило этотъ результатъ. Въ то же время разрывъ съ Константинополемъ лишилъ постепенно покоряемую церковь того интернаціональнаго характера и той внѣшней точки опоры, которые опредѣлили судьбу католицизма и служили лучшей гарантіей противъ свѣтскаго деспотизма. Въ XVI вѣкѣ право раздавать духовныя мѣста и церковныя доходы было въ рукахъ государя. Такое положеніе вещей не было слѣдствіемъ какого-нибудь *конкордата*. Это было естественное слѣдствіе строя, соединявшаго и смѣшавшаго до нераздѣльности два разряда интересовъ и правъ. Какъ высшій покровитель православія съ конца пятнадцатаго вѣка государь созываетъ здѣсь *Соборы*. На этихъ соборахъ наряду съ вопросами вѣры и обрядностей обсуждаются также и дѣла государственныя. Съ другой стороны, и высшія духовныя лица приглашаются часто въ свѣтскій совѣтъ государя—*Думу* и принимаютъ участіе въ совѣщаніяхъ. Отсюда уже оставался только одинъ шагъ до того, чтобы вмѣстѣ со всѣми другими попасть въ число служилыхъ людей, подчиненныхъ общему закону.

Черное духовенство также не избѣжало этого. Послѣ того какъ нѣкоторые игумены и архимандриты начали участвовать на соборахъ и въ *Думѣ*, монахи стали часто обращаться къ государю, прося у него защиты противъ произвола епископовъ, подобно тому какъ ихъ братья на Западѣ обращались къ папѣ. Государь охотно отзывался на это до той поры, пока не почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы упростить эти отношенія: онъ сосредоточилъ соотвѣтствующую юрисдикцію въ одномъ изъ своихъ гражданскихъ приказовъ. Изъ того униженія, въ какое судьба ввергла какъ бѣлое, такъ и черное духовенство, оно бы могло подняться добродѣтелью своего служенія. Но для этого нужно было, чтобы интеллектуальная цѣнность и нравственное достоинство, по крайней мѣрѣ, высшаго духовенства, отвѣчали ихъ высокому служебному назначенію и чтобы огонь и свѣтъ пламени священнаго призванія зажегся и горѣлъ на алтаряхъ этой автокефальной церкви такъ же ярко, какъ на Западѣ, гдѣ такіе папы, какъ Левъ X-й и Пій V, придали ей всемірный блескъ. Но Кириллы и Іоны, увы, не могли найти божественной искры подъ пепломъ Византіи.

Во время Ивана III высшее бѣлое духовенство еще боролось. Когда возгорѣлся споръ между великимъ княземъ и митрополитомъ по вопросамъ, касавшимся богослуженія, послѣдній покинулъ свой престолъ, оставилъ храмы безъ освященія и заставилъ такимъ образомъ государя „бить челомъ“ въ покаяніи. Но уже при преемникахъ этого государя, еще недостаточно укрѣпленныхъ въ своей роли всемогущихъ владыкъ, для борьбы съ торжествующимъ деспотизмомъ потребовалось нѣчто большее сознанія оскорбленнаго достоинства. Святой Филиппъ, о мученичествѣ котораго я еще буду говорить, былъ убитъ и своей кровью запечатлѣлъ вѣрность поправленнымъ традиціямъ и стремленіе къ независимости. Его голосъ остался безъ отклика. Его примѣръ не нашелъ послѣдователей. Какъ и вся страна, церковь погрузилась во мракъ и безмолвіе. Громадная машина сокрушала умы и характеры своими тяжелыми колесами.